

И. М. ЛЯШУК

Загадка генерала Мак-Магона

*Эпизод из истории обороны Севастополя
1854—1855 гг.*

Согласно официальной статистике, потери офицерского корпуса русской армии в годы Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг. составили убитыми и умершими от ран 1201 офицеров и генералов, не считая пропавших без вести¹. Таких потерь русская армия не знала со времен войны с Наполеоном I.

По сведениям, собранным Инспекторским департаментом Военного министерства в 1857 г., в полевых сражениях под Севастополем и в самом Севастополе, при штурме Енатории погибли 794 офицера и генерала русской армии². Их имена были занесены на мраморные мемориальные доски в храме Святителя Николая на Братском кладбище на Северной стороне Севастополя, освященном в 1870 г.

К сожалению, до сих пор биографии абсолютного большинства погибших в Крыму офицеров остаются малоизученными. Лишь недавно нами опубликована работа, посвященная последним дням жизни 11 генералов русской армии, которые были убиты и умерли от ран, полученных в ходе боевых действий на Крымском полуострове 150 лет назад³. Сложнее всего

¹ Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благоусушного царствования Государя Императора Александра Николаевича (1855—1880). СПб., 1879. Т. I. С. 228, 230.

² Российский Государственный Военно-Исторический архив (далее РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 23547.

³ Ляшук И. М. Генералы Русской армии, погибшие в Крыму в 1854—1855 гг. (Новые материалы из фондов РГВИА) // Материалы научно-практической конференции «Героические подвиги полков Русской армии и флота в период Крымской войны 1853—1856 гг. и обороны Севастополя 1854—1855 гг. в исторических исследованиях, экспедициях, памятниках истории и культуры города». Севастополь, 2 октября 2003 г. Севастополь, 2004. С. 13—22.

оказалось восстановить обстоятельства смерти двух командиров бригад — генерал-майоров В. Х. фон Буссау и Д. С. Юферова, смертельно раненных в бою за Малахов курган в последний день обороны Севастополя 27 августа 1855 г. И вот почему.

В 1861 г. в провинциальной Вятке была опубликована, пожалуй, лучшая книга из посвященных первой обороне Севастополя — «Походные записки в войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годов» Петра Владимировича Алабина (1824—1896)⁴. Автор «записок», сам находившийся в составе Севастопольского гарнизона более 9 месяцев, создал настоящую хронику обороны города. Книга содержит множество малоизвестных подробностей осады, написана увлекательно и, порой, захватывающе.

После подписания Парижского мирного договора 18 (30) марта 1856 г. старший адъютант штаба 11-й пехотной дивизии капитан Петр Алабин нередко сопровождал своего дивизионного начальника генерал-лейтенанта П. Я. Павлова во время визитов к бывшему противнику. В один из весенних дней 1856 г. Павлов со свитой посетил дивизионного генерала Патриса Мак-Магона (1808—1893), командира французской дивизии, захватившей Малахов курган 27 августа 1855 г.

«Мак-Магон, один из замечательнейших генералов французской армии, — пишет Алабин, — [...] однажды у себя за завтраком, говоря со мной о штурме Малахова кургана, с величайшим уважением рассказывал о нашем генерале, удивившем при штурме кургана всех французов своим мужеством. Когда французы ворвались на бастион, он с несколькими человекими был оторван от своих и прижат в одном из уголков бастиона толпой зуавов. Высокого роста, худощавый, впереди своего маленького отряда, он рубился с французами, отвечал проклятиями и ударами сабли на их просьбы и предложения сдать. Французы расстреливали эту кучку, уже не имевшую патронов и ежеминутно уменьшавшуюся, но кто только ринулся на горсть героев — платил жизнью за отвагу. Разъяренные зуавы уложили пулями и генерала и его солдат. «Как фамилия этого генерала или офицера? Но наши солдаты утверждали, что это точно был генерал», — спрашивал Мак-Магон.

«Ни я, ни товарищи мои, к сожалению, не могли определить, наверное, фамилию героя, но мы предполагали, что это был генерал-майор Юферов.

«Неприменно, — продолжил французский генерал, — надо знать имя этого героя, — и записал названную фамилию. — Подобная смерть, такие имена — достояние всемирной истории: не говорю уже, что они должны сродниться с памятью того народа, которому принадлежали их носители»⁵.

До публикации Алабиным рассказа Мак — Магона в России никто не писал об упомянутых обстоятельствах гибели на Малаховом кургане неизвестного русского генерала. Однако, им никак не мог быть Д. С. Юферов,

поскольку официальные источники и уцелевшие очевидцы свидетельствовали о гибели генерала у подножья Малахова кургана в конце боя за курган, а не в его начале. Однако, в 1872 г. группа авторов «Описания обороны г. Севастополя», изданного под руководством генерал-адъютанта Э. И. Тотлебена, «взяла грех на душу и, переведя часы на 2—3 часа вперед, подкорректировала Мак-Магона»⁶.

С тех пор и по сей день практически ни одно из исследований по истории обороны и осады Севастополя 1854—1855 гг. не обходится без описания героической гибели генерала Юферова и его солдат на Малаховом кургане.

Вернемся к событиям 27 августа 1855 г., происходившим на Корабельной стороне Севастополя. После неудачных атак генерал-лейтенантов С. А. Хрулева и М. З. Лисенко на захваченный французами Корниловский бастион, русские солдаты у Малахова кургана «частью разбрелись у домиков рассыпанных вокруг, частью стояли в нестройных кучах перед горжей и не двигались ни туда, ни сюда»⁷.

Что происходило дальше, мы находим в «записках» Н. В. Берга. При изучении приводимых им сведений становится ясно, что Берг узнал о последних попытках вернуть Корниловский бастион от капитан-лейтенанта Дмитрия Ильинского, непосредственного участника событий.

«Капитан-лейтенант Ильинский (старший в чине из оставшихся в строю. — П. А.) стал советоваться с окружившими его офицерами [...] что делать? Решили послать к главнокомандующему и просить войск и начальника. Вдруг со стороны батареи Жерве показался генерал Юферов. Вот нам начальник! Сказали все: ваше превосходительство, примите команду!» — С большим удовольствием, сказал он грустно, очень расстроенный и страдал от полученной незадолго перед тем рань»⁸.

Командир 1-й бригады 9-й пехотной дивизии (Севский и Елецкий пехотные полки) генерал-майор Д. С. Юферов командовал частью резерва Корабельной стороны. Было около 2 часов дня, когда, посоветовавшись, Ильинский, Юферов и флигель-адъютант гвардейский ротмистр П. А. Воейков решили поступить следующим образом: Юферов, собрав солдат, поведет их в атаку с горжи, Воейков — от батареи Жерве, Ильинский атакует от куртины 2-го бастиона. Не дослав до куртины, Ильинский услышал, что Юферов убит. Прошло всего несколько минут, как они расстались⁹.

Трудно представить, чтобы за столь короткое время генерал Юферов собрал солдат, преодолел расстояние до горжи под огнем засевших за траншеями алжирских стрелков, ворвался в горжку и погиб в углу бастиона,

⁶ Описание обороны г. Севастополя / Сост. под руководством ген.-адъютанта Тотлебена. СПб., 1872. Ч. II. Отдел II. С. 202.

⁷ Берг Н. [В.] Записки об осаде Севастополя. М., 1858. Т. 2. С. 58.

⁸ Там же. С. 59.

⁹ Там же.

⁴ Алабин П. В. Походные записки в войну 1853, 1854, 1855 и 1856 гг. Вятка, 1861. Ч. II.

⁵ Там же. С. 367—368.

окруженный зуавами, отбиваясь до последнего саблей и отказываясь сдаваться. Именно так описывают смерть Дмитрия Семеновича в своих трудах Э. И. Тотлебен, М. И. Богданович¹⁰ и Н. Ф. Дубровин¹¹. Совершенно непонятно, как тело «умирающего генерала с пулей в груди»¹² оказалось в Павловской батарее, если указанные авторы утверждали, что все солдаты Юферова погибли вместе с генералом и вынести его из бастиона было просто некому.

Нисколько не умоляя героизм и мужество генерал-майора Юферова, замечу, что он был смертельно ранен на подходе к горжке, как были ранены до него генералы С. А. Хрулев и М. З. Лисенко. От Павловской батареи ординарец Хрулева Петр Степанов переправил раненого Юферова на лодке на Северную¹³, где генерал вскоре умер и был похоронен «близ бухты»¹⁴.

Так кто же был неизвестный генерал из рассказа Мак-Магона?

По официальным данным, при штурме Малахова кургана на самом кургане в начале боя погиб только один генерал — начальник войск 4-го отделения оборонительной линии, командир 2-й бригады 15-й резервной пехотной дивизии генерал-майор В. Х. фон Буссау.

В «Описании обороны г. Севастополя» генерал погибает в начале штурма в 12 часов дня¹⁵. Участник боя на кургане, последний командир Корниловского бастиона П. А. Карпов свидетельствовал, что ополченцы, видя генерала без прикрытия, «окружили его и отбивались камнями до тех пор, пока генерал-майор Буссау не был убит»¹⁶. И, наконец, Николай Берг на основе опроса очевидцев нарисовал следующую картину: «Нагах в 15-ти от бастиона показан генерал Буссау с маленькой шапкой в руках, окруженный кучкой ополченцев (человек 12), побросавших ружья и взявшихся за палки и топоры, Буссау был совершенно безоружен и кидал в неприятеля камнями [...] вдруг пуля ударила ему в грудь, и он упал»¹⁷.

Ординарец начальшка войск Корабельной стороны генерала С. А. Хрулева, Петр Степанов сделал в своем дневнике следующую запись, датированную 27 августа 1855: «Вс офицеры на нем (Малаховом кургане — *Н. З.*) пере-

биты или взяты в плен, Буссау израненный умер «на Камчатке»¹⁸. Имеется в виду Камчатский лагерь, куда отводили с кургана русских пленных.

Как видно из приведенных выше свидетельств, генерал В. Г. Буссау погиб безоружным в окружении курских ополченцев и солдат, предпочтя смерть плену. Генерал же из рассказа Мак-Магона «рубился до последнего» саблей. Или французские солдаты, оправдываясь в убийстве безоружного, «вооружили» Буссау саблей, или существовал еще один, неизвестный нам генерал.

Напомним вопрос Мак-Магона, заданный Алабину с товарищами: «Как фамилия этого генерала или офицера? Но наши солдаты утверждали, что это точно был генерал». Конечно, французские солдаты могли просто перепутать звание погибшего, либо сознательно исказить его для того, чтобы придать своим подвигам большую значимость. Тогда героем рассказа французского генерала мог быть кто-то из русских штаб-офицеров, погибших в этот день на кургане. К тому же генералы, в отличие от офицеров, были вооружены штыками, а не саблями.

Когда в начале штурма кургана 1-й полк зуавов и 7-й линейный, преодолев без выстрелов бруствер, оказались внутри укрепления, там навстречу бросились солдаты Модлинского резервного пехотного полка во главе с полковым командиром полковником П. А. Ариепевским¹⁹ и командиром батальона майором А. А. Кованько²⁰. Оба офицера вскоре пали в рукопашной схватке, «являя своим подчиненным пример героического самоотвержения»²¹. В этот же день пропал без вести на Малаховом кургане исполнявший должность дивизионного квартирмейстера 4-й пехотной дивизии штабс-капитан Генерального штаба П. А. Бельшев²². Выпускники Академии Генштаба имели особую

¹⁰ Богданович М. И. Восточная война 1853—1856 гг. Изд. 2-е испр. и доп. СПб., 1877. Т. IV. С. 119—120.

¹¹ Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1900. Т. III. С. 423.

¹² Степанов П. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 гг. // Военный сборник. 1905. № 11. С. 47.

¹³ Там же.

¹⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23547. Л. 140, 203.

¹⁵ Описание обороны г. Севастополя... С. 186.

¹⁶ Карпов. Несколько заметок на статью г. Эверта, помещенную в № 193 «Русского инвалида» 1858 г. // Морской сборник. 1859. № 2. Отдел IV. С. 105.

¹⁷ Берг Н. [В.]. Ук. соч. С. 38.

¹⁸ Ариепевский Николай Алексеевич (1812—1855) — полковник (1849), командир № 29 Модлинского резервного пехотного полка. Из дворян, православный. Служил действительного статского советника. В 1832 вылучен из Пажеского корпуса прапорщиком в 1-й пехотный полк Императора Франца I полк. 27.8.1855 убит при штурме Севастополя на Малаховом кургане в рукопашном бою с французами. Исключен из списков 14.10.1855. Предположительно похоронен в братской могиле российских и французских воинов на Малаховом кургане.

¹⁹ Кованько Алексей Андреевич (5.4.1814—27.8.1855) — майор (1849), командир батальона № 29 Модлинского резервного пехотного полка. Из дворян Волгавской губ., православный. Родился в с. Паталинское Константинопольского уезда, в семье офицера. 27.08.1855 убит при штурме Севастополя в бою за Малахов курган. Исключен из списков убитым 14.10.1855. Предположительно похоронен в братской могиле российских и французских воинов на Малаховом кургане.

²⁰ Милорадович Г. А. Материалы для истории Пажеского ЕНВ корпуса. 1711—1875. К., 1876. С. 118, 119.

²¹ Бельшев Николай Алексеевич — штабс-капитан Генерального штаба, в. д. квартирмейстера 4-й пехотной дивизии. Окончил Главное инженерное училище. Подпоручиком 4-го саперного батальона поступил в Академию Генерального штаба, которую окончил в 1854 г. В 1855 г. в чине штабс-капитана Генерального штаба исполнял должность дивизи-

форму с аксельбантами из золотого жгута, и французские солдаты могли принять его за генерала.

Если бы Мак-Магон спросил сейчас автора этих строк: кто был тот безвестный русский генерал или офицер, бившийся до последнего и не пожелавший сдаться в плен, то я бы назвал майора Кованько. В пользу этой, может быть не самой эффектной версии, свидетельствует примечание, которое сделал на страницах своих записок о Восточной войне участник обороны Севастополя П. К. Меньков. Дело в том, что полковник Меньков вел «Журнал боевых действий» и как никто другой обладал самой подробной информацией обо всем, что делалось в осажденном городе. Так вот, давая описание штурма Севастополя, он сделал сноску: «Мордвинского полка майор Кованько был глубокий малоросс — отменно храбрый офицер, павший 27 августа при штурме Малахова кургана. Французы, ворвавшиеся на бастион, окружили майора и требовали сдачи... «Нехай меня стубят, а жив не дамся!» (крикнул Кованько — П. К.) и погиб на французских штыках»²³.

Генерал Буссау, полковник Аршеневский, майор Кованько, штабс-капитан Бельщев... Кто бы ни был из них героем загадки Патриса Мак-Магона, ясно одно — этот человек был русский солдат, презревший смерть, и, скорее всего он лежит в братской могиле русских и французских воинов, павших на Малаховом кургане в Севастополе 27 августа 1855 г.

эпоного квартирмейстера 4-й пехотной дивизии. 27.08.1855 г. при штурме Севастополя пропал без вести на Малаховом кургане. Исключен из списков пропавшим без вести 14.7.1857. Предположительно похоронен в братской могиле российских и французских воинов на Малаховом кургане.

²³ Записки Петра Кононовича Менькова. В 3 тт. Т. 1. Дунай и лимцы (Восточная война 1853—1856 гг.). СПб., 1898. С. 415 (примечание).